

Максим СКОРОХОДОВ

«Усадебный топос» в наследии Н. А. Клюева¹

Для Н. А. Клюева, как и для большинства русских писателей недворянского происхождения, важнейшим и часто наиболее ранним по времени освоения источником знаний о русской усадьбе является отечественная словесность. Мир русской литературы раскрывает во всей полноте и во всем многообразии проявлений содержание и саму суть усадебного пространства и усадебной жизни. Все составляющие усадебного комплекса — помещичий дом, хозяйственные постройки, сад, парк с аллеями и беседками, система водоемов, окрестные пространства с церковью, полями, лугами, с крестьянскими жилыми и хозяйственными строениями и земельными наделами — становятся своего рода символами, каждый из которых имеет свое сформировавшееся за десятилетия и даже за столетия семантическое наполнение, наблюдается своего рода мифологизация как усадебного пространства в целом, так и составляющих его объектов. Например, аллеи и беседки становятся символом мечтаний о любви, местом романтических встреч, уединенных разговоров [Дмитриева, Купцова, 2008].

Н. А. Клюев оставил немного текстов, которые позволяют судить об его отношении к русской усадьбе. В неозаглавленном фрагменте, записанном Н. И. Архиповым (этот текст условно назван исследователями по первым словам — «Кольцов — тот же Венецианов...»), Н. А. Клюев, обращаясь к творчеству русского поэта, отмечал 17 ноября 1922 г.:

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00129) и в ИМЛИ РАН.

«Кольцов поверил в крепостную культуру и закрепил в своих песнях не подлинно народное, а то, что **подказала ему усадьба добрых господ**, для которых не было народа, а были поселяне и мужички» (выделено нами. — М. С.) [Клюев 2003, 55]. Как видим, для Н. А. Клюева важна не реальная помещичья усадьба: его интересует восприятие усадьбы в литературе, литературная интерпретация русской усадьбы. И это характерно не только для кольцовских контекстов. Не менее важна пушкинская традиция, в которой усадебный мир играет важную роль. Показательный в этом отношении пример — одна из «Новых песен» Н. А. Клюева — «Застольная» («Мои застольные стихи...», 1926):

Не говори, моя Сусанна,
Что мы старей на восемь лет,
Что оплешивел твой поэт
От революции изъяна...
Не опускай ресниц, Сусанна!

В твою серебряную свадьбу,
У обветшалых клавиш,
Тебе споет красавец-сын
Не про Татьянину усадьбу —

Про годы бурь и славных ран,
Про человеческие муки,
Когда как бор шумели руки,
Расплескивая океан...
Наш сын — усатый мальчуган!

[Клюев 1999, 532]

При чтении этого клюевского стихотворения возникают ассоциации с Татьяной Лариной — героиней романа «Евгений Онегин». Если пушкинские и тургеневские усадьбы осмысливались Н. А. Клюевым как литературные ландшафты, открытые им благодаря чтению текстов Александра Сергеевича и Ивана Сергеевича, то усадебные комплексы некоторых других писателей он мог оценить и благодаря

личному знакомству с ними. Одно из таких знаменательных мест — усадьба Л. Н. Толстого Ясная Поляна.

В «Гагарьей судьбине» Н. А. Ключев сообщает о посещении Ясной Поляны в то время, когда он был еще «недоростком». Факт не проверен, но Ключев в «Гагарьей судьбине» во многом мифологизировал свою биографию. Этот приезд к Л. Н. Толстому позволил ему дополнить свои представления об усадебном мире (полученные из произведений художественной литературы и, вероятно, из рассказов знакомых) детальным знакомством с родовой усадьбой Л. Н. Толстого, с ее владельцем и отчасти с усадебным бытом. Великий писатель, к которому стремились крестьяне, предстал перед ними в повседневной обстановке: «Толстой сидел на скамеечке, под веревкой, на которой были развешаны поразившие меня своей огромностью синие штаны.

<...> На дворе ругалась какая-то толстая баба с полным подошником молока, откуда-то тянуло вкусным предобеденным духом, за окнами стучали тарелками... И огромным синим парусом сердито надувались растянутые на веревке штаны» [Ключев 2003, 37—38].

В памяти Н. А. Ключева сохранилось пространство яснополянской усадьбы, а его спутники были крайне огорчены тем, что не обнаружили в Л. Н. Толстом того собеседника, которого искали: «Старые корабельщики со слезами на глазах, без шапок шли через сад, направляясь к проселочной дороге, а я жамкал зубами подобранный под окном яснополянского дома большое с черным бочком яблоко» [Ключев 2003, 38; Азадовский 1993]. Важно, что Н. А. Ключев не только упоминает о Л. Н. Толстом, но и вписывает этот эпизод в бытовые реалии усадьбы.

Н. А. Ключев мог иметь личное представление и о других помещичьих усадьбах, поскольку много путешествовал, прежде всего по территории своей малой родины, где существовали, хотя и в меньшем количестве, чем в центре России, помещичьи усадьбы. Исследователь истории расселения дворянства на Севере России И. В. Савицкий отмечает: «... по данным образованного 2 марта 1861 г. Олонецкого по крестьянским делам присутствия количество помещичьих хозяйств в этой губернии и их обеспеченность крепостной рабочей силой выглядела следующим образом: Вытегорский уезд — 186 имений, 2077 ревизских душ...» [Савицкий 1998, 100]. Многие дворяне были мелкопоместными, они не только часто сами занимались сельскохозяйственным тру-

дом, но и занимались порой на работу к зажиточным крестьянам, чтобы прокормить семьи.

Особого внимания заслуживает стихотворение Н. А. Клюева «Братья, сегодня наша малиновая свадьба...», написанное в октябре 1918 года, когда революция со своими многочисленными последствиями стала реальностью. Это клюевское стихотворение содержит неоднократные отсылки к усадебному миру.

В его начале говорится о разрушении традиционной русской жизни, которая была дорога для Н. А. Клюева, однако крестьянский мир пока оказывается не затронутым преобразованиями:

Костоедой обглоданы **церковь и усадьба,**
Но ядрено и здорово мужицкое поле!²

Не жалейте же семени для плода мирского,
Разнежьте ядра и случкой китовьей
Порадуйте Бога — старого рыболова,
Чтоб закинул он уду в кипяток нашей крови!

[Клюев 1999, 399]

В беловом автографе, хранящемся в Российской национальной библиотеке, стихотворение имеет знаковое заглавие — «25 октября 1918 г.» [Клюев 1999, 907], то есть соотнесено с первой годовщиной событий октября 1917 г. Клюев, оглядываясь на прошедший год, подводит первые итоги революционных преобразований.

Помещичья усадьба и церковь отделяются Н. А. Клюевым от «мужицкого поля». В этом его отличие от А. В. Ширяевца, еще до революций писавшего В. Ф. Ходасевичу о неразрывной связи помещичьего мира и мира крестьянского, о чем подробнее скажем позже. В соответствии с Декретом о земле — одним из первых декретов советской власти — помещичья собственность была национализирована, то есть отнята у хозяев, крестьяне же получили право на землю. И этот первый этап послереволюционного передела собственности отразился в стихотворении Н. А. Клюева.

² Выделено нами. — М. С.

Т. А. Пономарева, рассматривая это произведение при анализе концепта молодости/старости, отмечает: «В стихах 1917—1918 гг. <...> образ солнца революции сопрягается с молодостью, красным пиром, свадьбой, рождением: „Смольный — в кожаной куртке, с загаром на лбу, / Юный шкипер...“; „Братя, сегодня наша малиновая свадьба — / Брак с Землей и орлиной Волей“» [Пономарева 2013, 176].

Обратим внимание на то, что предпоследнее четверостишие стихотворения перекликается с первой строкой текста, вводящей образ «малиновой свадьбы»:

Это было в Москве... Недосказ и молчанье —
В океанах киты, погруженные в сон.
Ленин — Красный Олень, в новобрачном сказанье
Он пасется меж строк, пьет малиновый звон.

[Клюев 1999, 400]

И наконец последнее четверостишие, с упоминанием И. С. Тургенева, творчество которого ассоциировалось с усадебной тематикой, продолжает характеристику свадьбы, которая из **малиновой становится яростной**, то есть несоотносимой с традиционными представлениями о свадьбе. Свадьба обретает черты некоего вселенского действия — ведь это свадьба «всенародного сердца с Октябрьской грозой»:

Обожимся же, братья, на яростной свадьбе
Всенародного сердца с Октябрьской грозой,
Пусть на полке Тургенев грустит об усадьбе,
Исходя потихоньку бумажной слезой.

[Клюев 1999, 400]

И. С. Тургенев вместе с миром русской усадьбы, миром книжного знания и традиций, миром тишины и покоя противостоит «яростной свадьбе», результаты которой непредсказуемы. Эти клюевские строки с упоминанием И. С. Тургенева нередко цитировали современники поэта, видевшие в них прежде всего неприятие усадебного мира, помещичьей жизни. Так, Л. Д. Троцкий отмечал в книге «Литература и

революция»: «Упразднением барской усадьбы Ключев доволен: „пусть о ней плачет Тургенев на полке“. Но ведь революция — это прежде всего город: без города не было бы и упразднения дворянской усадьбы» [Троцкий 1923, 122].

Сходное мнение, причем более четко оформленное, многими годами позже выскажет В. Г. Базанов: «Ключевская защита крестьянской самобытности и дедовских устоев оборачивается бравированием и оппозиционностью патриархального мужика. Приветствуя разрушение царских дворцов и помещичьих усадеб, поэт призывает сохранять в неприкосновенности крестьянскую деревянную Русь, старые крестьянские обряды. В самых революционных стихах о „красном солнце“, о союзе серпа и молота, крестьян и рабочих поэт непременно напомним о „дедовском кисете“, „пшеничном рае“» [Базанов 1990, 115].

Интересно сопоставить ключевский текст и его интерпретации, в общем-то, несмотря на разность общей оценки Н. А. Ключева, созвучные друг с другом, с письмом А. В. Ширяевца В. Ф. Ходасевичу, написанным накануне страшных революционных событий — 7 января 1917 г.: «Пусть уж о прелестях современности пишет Брюсов, а я поищу Жар-Птицу, пойду к тургеневским усадьбам, несмотря на то, что в этих самых усадьбах предков моих били смертным боем. Ну как не очароваться такими картинками?..

И этого не будет! Придет предприимчивый человек и построит (уничтожив мельницу) какой-нибудь „Гранд-отель“, а потом тут вырастет город с фабричными трубами...» [Ширяевец 1992, 30—31].

Для А. В. Ширяевца важен усадебный комплекс. Русская усадьба неотделима для него от крестьянской жизни, поэтому ее гибель приводит и к уничтожению, к гибели мира крестьянского, к утрате культуры как помещичьей, так и крестьянской. Хотя усадебная жизнь символизирует для А. В. Ширяевца социальное неравенство, угнетение («в этих самых усадьбах предков моих били смертным боем»), усадьбу, усадебный комплекс как феномен традиционной русской культуры он противопоставляет агрессивному городу, городской культуре, которая все перемалывает, обрекая на гибель то, что несродно ей по духу, что противится и сопротивляется молоху города.

В стихотворении Н. А. Клюева «Старый дом зловеще гулок...» (1910) воспроизводятся значимые составляющие традиционной помещицкой усадьбы. Первое четверостишие — напоминание о золотом веке русской усадебной культуры:

Старый дом зловеще гулок,
Бел под лунным серебром.
Час мечтательных прогулок,
Встреч и вздохов о былом.

[Клюев 1999, 134]

Этому идиллическому усадебному миру (с обилием поэтических штампов: «лунное серебро», «мечтательные прогулки», «встречи и вздохи») противопоставляется грядущее, в котором возникает образ замка:

Но быломu неподвластны —
Мы в грядущее глядим,
Замок сказочно прекрасный
Под луною сторожим.

[Клюев 1999, 134]

Знаменательно, что это «усадебное» произведение Клюев включил в число текстов, приложенных к письму А. А. Блоку от 5 ноября 1910 г. В том, блоковском варианте, стихотворение начиналось с позднее изъятюго автором четверостишия, в котором также нашла отражение усадебная тематика:

Мерно стучает машинка,
Что-то дальнее поет,
Букв оттиснутых тропинка
Нас к бессмертию ведет.

[Клюев 1999, 846]

Бессмертие запечатленных на бумаге текстов соотносится с усадебной тропинкой, уводящей владельцев и гостей усадьбы в загадочные дали, в манящую бесконечность, а возможно, и приводящую к бессмертию.

Продолжает стихотворение «Старый дом зловеще гулок...» образ сада, расцветающего «под луны волшебным взглядом» [Клюев 1999, 135]. Освещенный луной сад не менее значим для «усадебного топоса», чем тропинки и старый помещичий дом.

Переписка Н. А. Клюева с А. А. Блоком началась осенью 1907 г. с отправки последнему в числе произведений и «усадебного», по точному определению С. И. Субботина, стихотворения. Исследователь отмечает: «Среди пяти стихотворений, отобранных Клюевым для своего творческого представления Блоку, было и такое:

Вот и лето прошло, пуст заброшенный сад,
На дорогу открыта калитка,
Из поблекшей травы сквозь сырой листопад
Сиротливо глядит маргаритка. <... >
Были грезы и сны, и порывы ума,
Стигло всё под дыханьем ненастья.
Позабытый букет да обрывки письма
Нам с тобою остались от счастья.

[Клюев 1999, 86—87]

Не зная автора этого „усадебного“ элегического романса безусловно точной интонации, вполне можно было бы подумать, что перед нами — неизвестный текст одного из поэтов-дворян второй половины XIX века. Но его написал „олонецкий мужик“» [Субботин 2008, 52—53].

При незначительном числе упоминаний в наследии Н. А. Клюева собственно усадьбы обращает на себя внимание актуальность для его поэтической системы ключевых элементов усадебного комплекса, среди которых наиболее значим сад.

Если о концепте сада в поэзии Есенина имеются специальные исследования — прежде всего В. А. Доманского [Доманский 2009, 102—116; Доманский 2011, 42—48], то применительно к наследию Клюева этот концепт требует детального рассмотрения. Одна из работ, в которой затрагивается тема сада в клюевском творчестве, — статья Р. Вроона *The garden on Russian modernism: Notes on the problem of mentalité in New Peasant poetry* [Vroon 1997, 135—150]³.

³ В переводе на русский язык Н. Н. Перцовой [Вроон 2011, 21—46].

Для Клюева сад часто ассоциируется именно с русской усадьбой — при отсутствии прямых отсылок легко установить, что описывается именно усадебный сад.

Одному из своих стихотворений — «Вы обещали нам сады...» (1911) — Клюев предпослал эпиграф — первую строку стихотворения К. Д. Бальмонта «Оттуда» (1899): «Я обещаю вам сады...». Это стихотворение посвящено стране мечты, стране грез, и сады «с неомраченными цветами» являются символами этой идиллии:

Я призываю вас в страну,
Где нет печали, ни заката,
Я посвящу вас в тишину,
Откуда к бурям нет возврата.

[Бальмонт 2010, 284]

Н. А. Клюев разрушает представление об этой стране, «где нет печали, ни заката»:

Вы обещали нам сады
В краю улыбочиво далеком, <...>

На зов пошли: Чума, Увечье,
Убийство, Голод и Разврат,
С лица — вампиры, по наречью —
В глухом ущелье водопад.

За ними следом Страх тлетворный
С дырявой Бедностью пошли, —
И облетел ваш сад узорный,
Ручьи отравой потекли.

[Клюев 1999, 145]

Сад и столь же характерный для усадебного пространства ручей, питающий водой и соединяющий окультуренные или искусственные водоемы, вместо отдохновения и радости приносят печаль и отраву.

Однако для садов, которые описывает сам Клюев, характерны особенности, сближающие их с райским садом. Вот несколько примеров:

(«Позабыл, что в руках...»)
Зреет в Отчих садах
Виноградная гроздь.

[Клюев 1999, 132]

Напомним, что это произведение под названием «На распутье» было приложено автором к уже упоминавшемуся письму А. А. Блоку от 5 ноября 1910 г.

Другой пример — стихотворение «Вы деньки мои — голуби белые...» (между 1914 и 1916):

Вы деньки мои — голуби белые,
А часы — запоздалые зяблики,
Вы почто отлетать собираетесь,
Оставляете сад мой пустынею?

Аль осыпалось красное вишеньё,
Виноградьё мое приувянуло,
Али дубы матерые, вечные,
Буреломом, как зверем, обглоданы.

[Клюев 1999, 245]

В стихотворении «Труд» («Свить сенный воз мудрей, чем создать...») возникает образ золотого сада:

Бредете вы **по золотому саду**⁴,
Не смея плод оброненный поднять.

[Клюев 1999, 386]

Или в стихотворении «Пусть черен дым кровавых мятежей...» (1918; первое стихотворение цикла «Из „Красной газеты“»):

Вы изгрызли душу народа,
Загадили светлый Божий сад...

[Клюев 1999, 378]

⁴ Выделено нами. — М. С.

Образ Божьего сада возникает и во втором стихотворении названного цикла — «Жильцы гробов, проснитесь! Близок Страшный Суд!...» (1918):

О племя мокриц и болотных улиток!
О падаль червивая в Божьем саду!
Грозой польхает стоярусный свиток,
Пророча вам язвы и злую беду.

[Клюев 1999, 380]

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что образ русской усадьбы и ее компонентов был актуален для Н. А. Клюева в разные периоды его творчества. Первостепенную роль в определении характерных примет этого мира играла русская литература, традиции которой были важны для Клюева на протяжении всего творческого пути. Если для произведений рубежа 1900—1910-х гг. характерно внимание к усадебному миру и его представителям, что особенно ярко проявляется в поэтических текстах, приложенных к письму А. А. Блоку от 5 декабря 1910 г., то произведениям первых послереволюционных лет свойственно отторжение усадебного комплекса, вызванное прежде всего социальными причинами, противопоставлением помещичьего, усадебного мира миру крестьянскому.

Литература

- Азадовский 1993* — Азадовский К. М. О «народном» поэте и «святой Руси» («Гагарья судьбина» Николая Клюева) // Новое литературное обозрение. 1993. № 5. С. 88—122.
- Базанов 1990* — Базанов В. Г. С родного берега. О поэзии Н. Клюева. Л., 1990.
- Бальмонт 2010* — Бальмонт Д. К. Собрание сочинений: В 7 т. М., 2010. Т. 1.
- Вроон 2011* — Вроон Р. Сад в русском модернизме: К вопросу о менталитете в новокрестьянской поэзии // Николай Клюев: Образ мира и судьба. Томск, 2011. Вып. 3. С. 21—46.

- Дмитриева, Купцова 2008* — Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. М., 2008.
- Доманский 2009* — Доманский В. А. Художественный концепт сада в поэзии С. А. Есенина // Поэтика и проблематика С. А. Есенина в контексте Есенинской энциклопедии. Материалы Международной научной конференции, посвященной 113-летию со дня рождения С. А. Есенина. М., 2009. С. 102—116.
- Доманский 2011* — Доманский В. А. «Хорошо под осеннюю свежесть души-яблоню ветром стряхать...». Художественный концепт сада в поэзии С. Есенина // Русская словесность в школах Украины. 2011. № 2. С. 43—48.
- Клюев 1999* — Клюев Н. А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Сост., подг. текста и примеч. В. Гарнина. СПб., 1999.
- Клюев 2003* — Клюев Н. А. Словесное древо. Проза / Сост., подг. текста и примеч. В. П. Гарнина. СПб., 2003.
- Пономарева* — Пономарева Т. А. Концепт молодости / старости в поэзии Клюева // Николай Клюев: Образ мира и судьба. СПб.; Томск, 2013. Вып. 4. С. 170—182.
- Савицкий 1998* — Савицкий И. В. Дворянство Европейского Севера России в середине XIX — начале XX вв. (По материалам Олонецкой, Вологодской и Архангельской губернии.) Дисс... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1998.
- Субботин 2008* — Субботин С. И. Николай Клюев // Русская литература 1920-х — 1930-х годов. Портреты поэтов: В 2 т. М., 2008. Т. 1. С. 52—53.
- Троцкий 1923* — Троцкий Л. Д. Литература и революция. М., 1923.
- Ширяевец 1992* — Ширяевец А. Из переписки 1912—1917 гг. / Публ. Ю. Б. Орлицкого, Б. С. Соколова, С. И. Субботина // De Visu. 1992. № 3 (4). С. 11—42.
- Vroon 1997* — Vroon R. The garden on Russian modernism: Notes on the problem of mentalité in New Peasant poetry // Revue des Études slaves. Paris, 1997. T. LXIX. Fasc. 1/2. P. 135—150.